П. МАРКС
ЛЕГЕНДЫ
КРЫМА
61.

70
303

29/8 81 книга была починена
на мебле Мещутови

спр. все 17/3-82

— " — 20/12-83

— " — 17/8-87

9 70
303

Г 69
232.

Г 70
303

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА.

Текстъ Н. Маркса, рисунки К. Арцеулова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

2-е изданіе.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХШ-38676
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

МОСКВА—1914.

2007332647

Посвящаемъ первый выпускъ Легендъ Крыма вдохновительницѣ нашего труда—Жаннѣ Ивановнѣ Арцеуловой

Н. Маркъ, К. Арцеуловъ.

Окаменѣлый корабль.

(КОХБЕТЕЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Взойдите на Отлукая и поглядите на Кохтебельскій заливъ. Что за видъ! Море синею эмалью врѣзалось въ широкій, ласковый пляжъ и слилось на горизонтѣ съ лазурью южнаго неба. Какъ крыло чайки, бросившейся въ волну, бѣлѣютъ паруса турецкихъ филюгъ, и дымокъ парохода убѣгаетъ за дальній мысъ Кіикъ-Атлама.

Ушли всѣ, и только одинъ парусъ застылъ на мѣстѣ. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лѣтъ онъ не движется съ мѣста. Окаменѣлъ.

И моя мать разсказывала, бывало, въ дѣтствѣ, какъ это случилось.

Святая Варвара скрывалась въ крымскихъ горахъ. По пятамъ преслѣдовалъ ее старый отецъ, Діоскуръ, и, наконецъ, почти нагналъ у Сугдеи.

Но не настало еще время Варварѣ принять мученическій вѣнецъ. Одна гречанка изъ Ѳулъ, небольшого городка между Карадагомъ и Отузами, узнавъ, что гонимая—христіанка, пріютила ее у себя; укрыла на время отъ преслѣдованія. И случилось чудо. Садъ гречанки, побитый морозомъ, вновь пышно зацвѣлъ, а глухонѣмой ея сынъ сталъ различать рѣчь. Заговорили объ этомъ кругомъ. Дошла вѣсть и до язычника-отца. Догадался Діоскуръ, кто скрывается у гречанки, и ночью окружилъ ея домъ.

Какъ была, въ одной рубашкѣ, бросилась Варвара къ окну и, незамѣченная преслѣдователями, съ именемъ Іисуса на устахъ, бросилась въ колодецъ. Поддержали упавшую Божьи ангелы и отнесли подальше отъ Ѳулъ, къ подножью Отлукая.

Въ эту ночь у Отлукая остановилась отара овецъ. Задремавшій пастухъ, молодой тавръ, былъ до-нельзя пораженъ, когда рядомъ съ собой увидѣлъ какую-то полунагую дѣвушку.

— Кто ты, зачѣмъ пришла сюда, какъ не тронули тебя мои овчарки?

И Варвара не скрыла отъ пастуха, кто она и почему бѣжала.

— Глупая ты, отъ своихъ боговъ отказываешься. Кто же поможетъ тебѣ въ горѣ и бѣдѣ? Нехорошее дѣло ты затѣяла.

Но, замѣтивъ слезы на глазахъ дѣвушки, и какъ дрожитъ она отъ холода, пожалѣлъ ее, завернулъ въ свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намѣреніе у пастуха.

Прошептавъ святое слово, уснула Варвара подъ кустомъ карагача.

Раскинулись пышные волосы; разметалась вся; красавицей лежала.

И не выдержалъ пастухъ. Нехорошо поглядѣлъ на нее. Бросился къ ней съ недоброй мыслью, забывъ долгъ гостепріимства. Бросился... и остолбенѣлъ, а за нимъ застыло и все стадо. Окаменѣли всѣ. Только три овчарки, которыя лежали у ногъ святой, остались, по назначенію Божію, охранять ее до утра.

Съ первымъ утреннимъ лучомъ проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокругъ нея и по всему бугру, точно овцы, бѣлѣли странные камни, и между ними одинъ длинный, казалось, наблюдалъ за остальными. Жутко стало на душѣ дѣвушки. Точно случилось что. И побѣжала она внизъ съ горы, къ морскому заливу. Впереди бѣжали три овчарки, указывая ей путь въ деревню. Удивились въ деревнѣ, когда увидѣли собакъ безъ стада. Не знала ничего и Варвара. Только потомъ догадались.

У деревни, въ заливѣ, отстаивался сирійскій корабль. Онъ привезъ таврамъ разные товары и теперь ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы вернуться домой.

Донесъ вѣтерокъ до слуха Варвары родную, сирійскую рѣчь. Пошла она къ корабленачальнику и стала просить взять ее съ собой. Нахмурился суровый сиріецъ, но, поглядѣвъ на красавицу-дѣвушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробѣжала въ головѣ.

— Хоть и нѣтъ у насъ обычая возить съ собой женщинъ, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нея дара предугадывать будущее.

Подулъ вѣтеръ отъ берега. Подняли паруса, и побѣжалъ корабль по морской волнѣ.

Варвара зашла на мачту и сотворила крестное знаменіе. Замѣтилъ это корабленачальникъ и опять нехорошо улыбнулся.—Тѣмъ лучше! А потомъ позвалъ дѣвушку къ себѣ, въ каюту, и сталъ допытывать: какъ и что. Смутилась Варвара и не сказала правды. Жилъ въ душѣ Іисусъ, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; съ моря надвинулась зловѣщая, черная туча; не-

добрымъ отсвѣтомъ блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла она гнѣвъ Божій. На колѣняхъ стала молить—простить ее. А навстрѣчу неслась боевая тріира, и скоро можно было различать сѣдого старика, начальствовавшаго ею. Узнала Варвара гнѣвнаго отца; защемило сердце, и, сжавъ руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошелъ къ ней корабленачальникъ. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучитъ ее старикъ, убьетъ за то, что отступилась отъ вѣры отцовъ. Но, вмѣсто отвѣта, сиріецъ скрутилъ руки дѣвушки и привязалъ косой къ мачтѣ, чтобы не бросилась въ волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Онъ выручаетъ!

Сошлись корабли. Какъ звѣрь, прыгнулъ Діоскуръ на сирійскій бортъ; схватилъ на руки дочь и швырнулъ ее къ подножью идола на своей тріирѣ.—Молись ему!

А Варвара повторяла имя Іисуса.

— Молись ему!—И Діоскуръ ткнулъ ногой съ прекрасное лицо дочери.

— За тебя молюсь моему Христу,—чуть слышно прошептала святая мученица и хотѣла послать благословеніе и злому сирійцу, но не увидѣла его.

Налетѣлъ бѣшеный шквалъ, обдалъ сирійскій корабль пѣной и точно бѣлой корой покрылъ его.

Налетѣлъ другой и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на мѣстѣ корабля выдвинулась изъ нѣдръ моря подводная скала, точно бывшій корабль.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Отъ камней Варварина стада не много осталось на прежнемъ мѣстѣ. Новые люди повели по иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменѣлый корабль остался недвижимъ.

Не дошелъ до него чередъ.

— Мама,—замѣчалъ я въ дѣтствѣ,—да вѣдь это—просто подводная скала.

— Конечно, такъ, мой мальчикъ. Подводная скала для чужихъ, а для насъ, здѣшнихъ, это—народный памятникъ христіанкѣ первыхъ вѣковъ.

ЧОРТОВА БАНЯ.

(КАДЫКЪ-КОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не вѣрьте, когда говорятъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ. Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь. Слушайте!

Вы знаете Кадыкъ-Койскую будку? За нею гротъ, куда ходятъ испить холодной воды изъ скалы.

Въ прежнія времена тутъ стояла придорожная баня, и наши старики еще помнятъ ея камни.

Говорятъ, строилъ ее одинъ отузскій богачъ. Хотѣлъ искупить свои грѣхи, омывая тѣло бѣдныхъ путниковъ. Но не успѣлъ. Умеръ, не достроивъ. Достроилъ ее деревенскій кузнецъ-цыганъ, о которомъ говорили нехорошее.

По ночамъ въ банѣ свѣтился огонекъ, сизый съ багровымъ отсвѣтомъ. Можетъ быть въ каганѣ свѣтился человѣческій жиръ. Такъ говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью въ пути, спѣшили обойти злополучное мѣсто.

Былъ даже слухъ, что въ банѣ живетъ самъ Шайтанъ.

Извѣстно, что Шайтанъ любитъ людскую наготу, чтобы надъ нею потомъ зло посмѣяться. Ужъ, конечно, только Шайтанъ могъ подсмотрѣть у почтеннаго отузскаго аги Талипа такой недостатокъ, что, узнавъ о немъ, вся деревня прыснула отъ смѣха.

Кузнецъ часто навѣщалъ свою баню и оставался въ ней день, другой. Какъ разъ въ это время въ деревнѣ случались всякія напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась съ распоротымъ брюхомъ, корова безъ вымени, а дикій деревенскій бугай возвращался домой понурымъ быкомъ.

Все Шайтановы штуки! А, можетъ быть, и кузнеца. Не даромъ онъ такъ похожъ на Шайтана. Черный, одноглазый, съ переднимъ клыкомъ кабана. Деревня не знала, откуда онъ родомъ, и кто былъ его отецъ; только всѣ замѣчали, что кузнецъ избѣгалъ ходить въ мечеть; а мулла не разъ говорилъ, что изъ жертвенныхъ барановъ на Курбанъ-байрамъ самымъ невкуснымъ всегда былъ баранъ цыгана; хуже самой старой козлятины.

Кохтебельскій мурзакъ, который не вѣрилъ тому, о чемъ говорили въ народѣ, проѣзжая однажды мимо грота, сдержалъ лошадь; но лошадь стала такъ горячиться, такъ испуганно фыркать, что мурзакъ рѣшилъ въ другой разъ не останавливаться.

Оглянувшись, онъ увидѣлъ,—онъ это твердо помнитъ,—какъ на бугоркѣ сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чемъ лучше не разсказывать на ночь.

Впрочемъ, иной разъ, какъ ни старайся, отъ страшнаго не уйдешь.

У Османа была дочь и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственнаго глаза берегъ ее старый цыганъ. Однако любви не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ съ сосѣдскимъ сыномъ Меметомъ, знали лишь онъ да она. Только и подумать не смѣлъ Меметъ послать свата. Понималъ, въ чемъ дѣло. И рѣшилъ бѣжать съ невѣстою въ сосѣднюю деревню. Какъ только полный мѣсяцъ начнетъ косить,—такъ и бѣжать.

И смѣялся же косой мѣсяцъ надъ косымъ цыганомъ, когда скакалъ Меметъ изъ деревни съ трепетавшей отъ страха Сальгэ.

Османа не было дома. Онъ проводилъ ночь въ банѣ. Пилъ заморскій аракъ, отъ котораго наливаются жилы и синѣетъ лицо.

— Наливай еще!

— Не довольно ли?—останавливалъ Шайтанъ.—Слышишь скрипъ арбы? Это козскій имамъ возвращается изъ Мекки... И грезится старику, какъ выйдетъ завтра ему навстрѣчу вся деревня, какъ станутъ всѣ на колѣни и будутъ кричать: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доѣхалъ!» И прежде, чѣмъ кузнецъ подумалъ, Шайтанъ распахнулъ дверь. Шарахнулись волы, перевернулась арба, и задремавшій было имамъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вокругъ него зажглись сѣрные огоньки. Хотѣлъ прошептать святое слово, да позабылъ. Подхватила его нечистая сила и бросила съ размаха на полъ бани.

Нагой и поруганный, съ оплеванной бородой, валялся на полу имамъ, а гнусныя животныя обливали его чѣмъ-то липкимъ и грязнымъ. И хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.—То-то завтра будетъ смѣху! На колѣняхъ стоитъ глупый народъ, ждетъ своего святого, а привезутъ пья-нень-каго имама! Не стерпѣлъ обиды имамъ, вспомнилъ святое слово и очнулся на своей арбѣ, которая за это время уже отъѣхала далеко отъ грота.

— Да будетъ благословенно имя Аллаха,—прошепталъ имамъ и началъ опять дремать.

А въ банѣ хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.

— Наливай еще,—кричалъ цыганъ.

— Постой! Слышишь, скачетъ кто-то!—И вихремъ вынесъ нечистый пріятеля на проѣзжую тропу.

Шарахнулась со всѣхъ четырехъ ногъ лошадь Мемета, и свалился онъ съ своей ношей прямо къ ногамъ Шайтана.

— А, такъ вотъ кого еще принесло къ намъ! Души его,—крикнулъ Шайтанъ, а самъ схватилъ завернутую въ шаль дѣвушку и бросился съ ней въ баню.

Зарычалъ цыганъ и всадилъ отравленный кинжалъ по самую рукоять между лопатокъ обезумѣвшаго Мемета.

А изъ бани доносился вопль молодого голоса. «Будетъ потѣха, будетъ хорошо сегодня», подумалъ цыганъ и, шатаясь, пошелъ къ банѣ.

Въ невыносимомъ чаду Шайтанъ душилъ распростертую на полу нагую дѣвушку, и та трепетала въ послѣднихъ судорогахъ.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватилъ цыганъ дѣвушку желѣзными руками, прижался къ ней... и узналъ дочь...

— Згне!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ слово заклятья.

И исчезъ Шайтанъ. Помнилъ уговоръ съ Османомъ. Только разъ цыганъ скажетъ это слово, и только разъ сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отецъ!

Бросился Османъ къ гроту, а гротъ весь клубился удушливыми сѣрными парами. И не могъ пройти къ водѣ Османъ. Не зналъ второго слова заклятья. Упалъ и испустилъ духъ.

Поутру проѣзжіе татары нашли на дорогѣ три трупа и похоронили ихъ у стѣнъ развалившейся за ночь бани.

— Чортова баня,—назвалъ съ тѣхъ поръ народъ это мѣсто.

И я хорошо помню, какъ въ дѣтствѣ, проѣзжая мимо грота, наши лошади пугались и храпѣли.

Не вѣрьте, если вамъ скажутъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ! Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь.

(ТАТАРСКОЕ ПОВѢРЬЕ.)

Въ Отузахъ есть повѣрье,—въ томъ году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зимѣ.

И доказываютъ это примѣрами, которые у всѣхъ на памяти.

А старики объясняютъ, почему это такъ.

Когда Аллахъ, сотворившій міръ, окончилъ свою работу, на землѣ настала весна, и почки деревьевъ въ саду земного рая стали одна за другой распускаться.

Потянулась къ нимъ вся живущая тварь, и увидѣлъ Аллахъ, что необходимо установить порядокъ. Позвалъ Онъ всѣхъ къ Себѣ и велѣлъ каждому выбрать какое-нибудь одно дерево или цвѣтокъ, чтобы потомъ только имъ и пользоваться и не ссориться съ другими.

Одни просили одно, другіе—другое. Сталъ просить и Шайтанъ.

— Подумалъ, Шайтанъ?—спросилъ Аллахъ.

— Подумалъ,—сказалъ, скрививъ хитрымъ глазомъ, нечистый.

— Ну и что же ты выбралъ?

— Кизиль.

— Кизиль! Почему кизиль?

— Такъ,—не хотѣлъ сказать правды Шайтанъ.

— Хорошо, бери себѣ кизиль,—усмѣхнулся Аллахъ.

Весело запрыгалъ Шайтанъ, завилялъ хвостомъ сразу въ обѣ стороны. Всѣхъ надулъ. Кизиль первымъ зацвѣлъ изъ деревьевъ, значитъ раньше другихъ созрѣетъ его фрукта. Первая фрукта будетъ всегда самая дорогая; повезетъ онъ свой кизиль на базаръ, хорошо продастъ, дороже всѣхъ другихъ фруктъ.

Настало лѣто, начали поспѣвать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки и груши, а кизиль все не спѣетъ. Твердый и зеленый. Чешетъ затылокъ Шайтанъ, злится.

— Поспѣвай скорѣй.

Не спѣетъ кизиль.

Сталъ онъ дуть на ягоду; какъ пламя, краснымъ сталъ кизиль, но попрежнему—твердый и кислый.

— Ну, что же твой кизиль,—смѣются люди.

Плюнулъ съ досады Шайтанъ—почернѣлъ кизиль.

— Дрянь такая, не повезу на базаръ, собирайте сами.

Такъ и сдѣлали. Когда по садамъ убрали всѣ фрукты, деревенскіе люди пошли собирать въ лѣсъ вкусную, сладкую, почернѣвшую ягоду, и втихомолку подсмѣивались надъ Шайтаномъ.

— Маху далъ Шайтанъ!

Шайтанъ не потерпѣлъ людской насмѣшки и отплатилъ за нее людямъ.

Зналъ, что люди жадны. Сдѣлалъ такъ, что кизилю на слѣдующую осень уродилось вдвое противъ прошлогодняго и, чтобы выспѣлъ онъ, пришлось солнцу послать на землю вдвое больше тепла.

Обрадовались люди урожаю, не поняли Шайтановой продѣлки.

А солнце обезтеплѣло за лѣто и настала на землѣ такая зима, что позамерзали у людей сады, и сами чуть живы остались.

Съ тѣхъ поръ—примѣта: какъ урожай кизиля—быть холодной зимѣ, потому что не угомонился Шайтанъ и попрежнему мститъ людямъ за насмѣшку.

ЭЧКИДАГЪ— КОЗЬЯ ГОРА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Али, красавецъ Али, тебя еще помнитъ наша деревня, и разсказъ о тебѣ, передаваясь изъ устъ въ уста, дошелъ до дней, когда Яйла услышала гудокъ автомобиля, и выше ея горъ, сильнѣе птицы, взвился безстрашный человѣкъ.

Не знаю, перегналъ ли бы ты ихъ на своемъ скакунѣ, но ты могъ скорѣе загнать любимаго коня и погубить себя, чѣмъ поступиться славой перваго джигита.

Быстрѣе вѣтра носилъ горный конь своего хозяина, и завидовала отузская молодежь, глядя, какъ гарцовалъ Али, сверкая блестящимъ наборомъ, и какъ безъ промаха билъ онъ любую птицу на-лету.

Не даромъ считался Али первымъ стрѣлкомъ на всю долину и никогда не возвращался домой съ пустой сумой.

Трепетали дикія козы, когда на вершинахъ Эчкидага, изъ-за неприступныхъ скалъ, появлялся Али съ карабиномъ на плечѣ.

Только ни разу не тронула рука благороднаго охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человѣка.

И вотъ какъ-то, когда въ горахъ заблеяли молодыя козочки, зашелъ Али въ саклю Урміэ.

Урміэ, молодая вдова, уснащавшая себя прянымъ ткна лишь для него одного, требовала за это, чтобы онъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея причуды. Она лукаво

посмотрѣла на Али, какъ дѣлала всегда, когда хотѣла попросить что-нибудь исключительное.

— Принеси мнѣ завтра караджа.

— Нельзя. Не время бить козъ. Только-что начали кормить, вѣдь, знаешь,— замѣтилъ Али, удивившись странной просьбѣ.

— А я хочу. Для меня могъ бы сдѣлать.

— Не могу.

— Ну такъ уходи. О чемъ разговаривать.

Пожалъ плечами Али, не ожидалъ этого, повернулся къ двери.

— Глупая баба.

— Къ глупой зачѣмъ ходишь. Сеитъ-Меметъ не говоритъ такъ. Не принесешь ты, принесетъ другой, а караджа будетъ. Какъ знаешь!

Вернулся Али домой, прилегъ и задумался. Въ лѣсу рокоталъ соловей, въ виноградникахъ звенѣли цикады, по небу бѣгали одна къ другой въ гости яркія звѣзды. Никто не спалъ, не могъ заснуть и Али. Клялъ Урміэ, зналъ, что дурной, неладный она человѣкъ, а тянуло къ ней, тянуло, какъ пчелу на сладкій цвѣтокъ.

— Не ты, принесетъ другой. Неправда, никто не принесетъ раньше.

Али поднялся.

Начинало свѣтать. Розовая заря ласкала землю первымъ поцѣлуемъ.

Али ушелъ въ горы по знакомой ему прямой тропѣ.

Близко Эчкидагъ. Уже вскарабкался ловкій охотникъ на одну изъ его вершинъ, у другой—теперь много дикихъ козъ, караджа. Нужно пройти Хулахъ-Іернынъ—Ухо земли. Такъ наши татары называютъ провалъ между двумя вершинами Эчкидага. Глубокій провалъ съ откосной подземной пещерой, конца которой никто не знаетъ. Говорятъ, доходитъ пещерная щель до самаго сердца земли; будто хочетъ земля знать, что на ней дѣлается: лучше ли живутъ люди, чѣмъ прежде, или попрежнему вздорятъ, жадничаютъ, убиваютъ и себя и другихъ.

Подошелъ Али къ провалу и увидѣлъ стараго, стараго старика съ длинной бѣлой бородой, такой длинной, что конецъ уходилъ въ провалъ.

— Здравствуй, Али,—окликнулъ старикъ.—Что такъ рано козъ стрѣлять пришелъ?

— Такъ, нужно.

— Все равно не убьешь ничего.

Подошелъ ближе Али, исчезъ въ провалѣ старикъ.

— Ты кто будешь?

Не отвѣтилъ, только оборвавшіеся камни въ провалѣ побѣжали; слушалъ, слушалъ Али и не могъ услышать, гдѣ они остановились. Оглянулся на гору. Стоитъ стройная коза, на него смотритъ, уши наставила.

Прицѣлился Али и вдругъ видитъ, что у козы кто-то сидитъ и доитъ ее; какая-то женщина, будто знакомая. Точно покойная его сестра.

Опустилъ быстро карабинъ, протеръ глаза. Коза стоитъ на мѣстѣ, никого подлѣ нея нѣтъ.

Прицѣлился вновь, и опять у козы женщина. Оглянулась даже на Али. Поблѣднѣлъ Али. Узналъ мать такой, какой помнилъ ее въ дѣтствѣ. Покачала на него головой мать. Опустилъ Али карабинъ.

— Аналэ, матушка родная!

Пронеслась по тропинкѣ подъ скалой пыль. Стоитъ опять коза одна, не шевелится.

— Сплю я, что ли,—подумалъ Али, и прицѣлился въ третій разъ.

— Коза одна, только въ двухъ шагахъ отъ нея ягненокъ. Причудилось, значитъ, все,—и навелъ Али карабинъ, чтобы вѣрнѣе, безъ промаха, убить животное прямо въ сердце.

Хотѣлъ нажать курокъ, какъ увидѣлъ, что коза кормитъ ребенка, дочку Урміэ, которую любилъ и баловалъ Али, какъ свою дочь.

Задрожалъ Али, похолодѣлъ весь. Чуть не убилъ маленькую Урміэ.

Обезумѣлъ отъ ужаса, упалъ на землю и долго ли лежалъ, не помнитъ потомъ.

Съ тѣхъ поръ исчезъ изъ деревни Али. Подумали, что упалъ со скалы и убился. Долго искали, не нашли. Тогда рѣшили, что попалъ онъ въ Хулахъ-Іернынъ, и нечего искать больше.

Такъ прошло много лѣтъ.

Аліева Урміэ стала дряхлой старухой, у маленькой Урміэ родились дѣти и внуки; сошли въ могилу сверстники джигита, и народившіяся поколѣнія знали о немъ только то, что дошло до нихъ изъ устъ отцовъ и гдѣ было столько же правды, сколько и народнаго домысла.

И вотъ разъ вернулся въ деревню хаджи Асанъ, столѣтній старикъ, долгое время остававшійся въ священной Меккѣ. Много разсказалъ своимъ Асанъ, много чудеснаго, но чудеснѣе всего было, что Асанъ самъ, своими глазами увидѣлъ и узналъ Али.

Въ Стамбулѣ, въ монастырѣ дервишей происходило торжественное служеніе. Были принцы, много франковъ и весь пашалыкъ. Забило думбало, заиграли флейты и закружились въ экстазѣ священной пляски-молитвы святые монахи. Но бѣшенѣе всѣхъ кружился одинъ старикъ. Какъ горный вихрь, мелькалъ онъ въ глазахъ восторженныхъ зрителей, унося мысль ихъ отъ земныхъ помысловъ, но силой всего своего существа отдававшійся страсти своего духа.

— Али,—воскликнулъ Асанъ, и, оглянувшись на него, остановившись на мгновеніе, дервишъ снова бѣшенымъ порывомъ ушелъ въ экстазъ молитвы.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Это было назадъ лѣтъ триста, а можетъ быть и больше. Какъ теперь, по долинѣ бѣжалъ горный потокъ; какъ теперь, зеленѣли въ садахъ ея склоны и, какъ теперь, на порогѣ деревни высился стройный минаретъ Отузской мечети.

Въ двухъ шагахъ отъ нея, гдѣ раскинулся вѣковѣчный орѣхъ, стояла тогда, прислонившись къ оврагу, бѣдная сакля хаджи Курдъ-Тадэ.

Ни раньше, ни потомъ не знали въ деревнѣ болѣе праведнаго человѣка.

Никто никогда не слышалъ отъ него слова неправды, и не было въ окрестности человѣка, котораго не утѣшилъ бы Курдъ-Тадэ въ горѣ и нуждѣ.

Бѣднякъ не боялся отдать другому кусокъ хлѣба и на случайные гроши успѣлъ сходить въ Мекку и вырыть по пути два фонтана, чтобы утолять жажду бѣднаго путника.

Святое дѣло, за которое Пророкъ такъ охотно открываетъ правовѣрному двери рая.

— Святой человѣкъ,—говорили въ народѣ, и каждый съ благоговѣніемъ прижималъ руку къ груди, завидѣвъ идущаго на молитву хаджи.

А шелъ онъ творить намазъ всегда бодрой походкой неуставшаго въ жизни человѣка, хотя и носилъ на плечахъ много десятковъ лѣтъ.

Должно быть, Божьи ангелы поддерживали его, когда старыя ноги поднимались по крутымъ ступенькамъ минарета, откуда онъ ежедневно слалъ во всѣ стороны свои заклинанія.

И было тихо и радостно на душѣ; свѣтло—точно Божій лучъ начиналъ уже доходить до него съ высоты небеснаго престола.

Но никогда нельзя сказать, что кончилъ жить, когда еще живешь.

Какъ ни старъ былъ хаджи Курдъ-Тадэ, однако, радостно улыбался, когда глядѣлъ на свою Раймэ, земной отзвукъ гурій, которыя ждали его въ будущемъ раю.

Когда падала фата и на святого хаджи глядѣли ея жгучіе глаза, полные ожиданія и страсти, сердце праведника, дотолѣ чистый родникъ, темнилось отраженіемъ грѣховнаго видѣнія.

И забывалъ хаджи старую Гульсунъ, вѣрнаго спутника жизни. А Раймэ, ласкаясь къ старику, шептала давно забытыя слова и навѣвала дивные сны давнихъ лѣтъ.

Пусть было бъ такъ. Радуешься, когда послѣ зимняго савана затеплится, зазеленѣетъ земля; отчего было не радоваться и новому весеннему цвѣтку.

И не зналъ хаджи, какія еще новыя слова благодаренія принести Пророку за день весны на склонѣ лѣтъ.

И летѣло время, свивая вчера и сегодня въ одну пелену.

Только разъ, вернувшись изъ сада, не узналъ старикъ прежней Раймэ. Такіе глубокіе слѣды страданій отпечатлѣлись на ея прекрасномъ лицѣ; такое безысходное горе читалось въ ея взорѣ.

«Раймэ, что съ тобой?» подумалъ онъ, но не сказалъ, потому что замкнулись ея уста.

И подулъ ночью горный вѣтеръ и донесъ до спящаго Курдъ-Тадэ рѣчь безумія и отчаянія.

— Милый, желанный, свѣтъ души моей. Вернись. Забудь злую чаровницу. Вернись къ своей любимой, какъ ты ее называлъ. Вернись и навсегда. Скоро старый смежитъ очи, и я буду твоей, твоей женой, твоей маленькой, лучистой Раймэ.

Проснулся Курдъ-Тадэ и не нашелъ близъ себя юнаго тѣла, а на порогѣ сѣней въ безысходной тоскѣ стенала, сжимая колѣни, молодая женщина.

Чуть-чуть начинало свѣтать. Скоро муэдзинъ пропоетъ съ минарета третью ночную молитву. Хаджи, незамѣченный никѣмъ, вышелъ изъ усадьбы и пошелъ къ Папасъ-тепэ.

На срединѣ горы нѣкогда ютился греческій храмъ, и отъ развалинъ храма вилась по скалѣ на самый катыкъ узкая тропинка.

Никто не видѣлъ, какъ карабкался по ней старый Курдъ-Тадэ, какъ припалъ онъ къ землѣ на вершинѣ горы, какъ крупная слеза скатилась впервые изъ глазъ святого.

Не зналъ хаджи лжи. А ложь, казалось, теперь стояла рядомъ съ нимъ, обвивала его, отдѣляла, какъ густой туманъ, душу его отъ вершины горы, къ которой онъ припалъ.

И услышалъ онъ голосъ Духа. И отвѣтилъ хаджи на этотъ голосъ—голосомъ своей совѣсти:

— Пусть молодое вернется къ молодому и пусть у молодости будетъ то, что она боится потерять.

Если угодна была моя жизнь Аллаху, пусть Великій благословитъ мое моленіе.

И въ моленіи, не знающемъ себя, душа святого стала медленно отдѣляться отъ земли и уноситься вдаль, въ небесную высь.

И запѣлъ въ третій разъ муэдзинъ.

И голосъ съ неба сказался далекимъ эхомъ:—Да будетъ такъ.

Съ тѣхъ поръ на гору къ могилѣ святого ходятъ отузскія женщины и дѣвушки, когда хотятъ вернуть прежнюю любовь.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ.

(ЯЛЫ-БОГАЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

— Разскажи, Асанъ, почему люди называютъ этотъ домъ—Чортовымъ?

Асанъ сдвинулъ на затылокъ свою барашковую шапку, было жарко, и усмѣхнулся.

— Разскажу—не повѣришь. Зачѣмъ разсказывать!

Мы сидѣли подъ плетнемъ у извѣстнаго всѣмъ въ долинѣ домика въ ущельѣ Ялы-Богазъ. Ущелье, точно талья красавицы, дѣлитъ долину на двѣ. На сѣверъ—отузская деревня съ поселками, старыя помѣщичьи усадьбы, татарскіе сады. На югѣ виноградники, сбѣгающіе по склонамъ къ морю, и среди нихъ—бѣленькіе домики нарождающагося курорта.

Зная Асана, я промолчалъ.

— Если хочешь, разскажу. Только ты не смѣйся.

Когда Шайтанъ, гдѣ поселится, скоро оттуда не уйдетъ. Жилъ здѣсь грекъ-дангалакъ; клады копалъ. Нашелъ—не нашелъ, умеръ. Жилъ армянинъ богатый; людей не любилъ; деньги любилъ; умеръ. Потомъ чабаны собирались ночью, виноградъ крали, телятъ рѣзали, вмѣстѣ кушали; другъ друга зарѣзали. Такъ наши старики говорили. Потомъ никто не жилъ. Одинъ чабанъ Мамутъ, когда на горѣ пасъ барашекъ, пряталъ въ домъ свою хурду-мурду. Еще хуже вышло.

И Асанъ разсказалъ случай, имѣвшій, какъ говорятъ, мѣсто въ дѣйствительности.

— Видишь развалины на горѣ, подъ скалой? Тамъ была прежде греческая келисе. Давно была. Теперь стѣнка осталась, раньше крыша держалась, сводъ былъ.

Одинъ разъ случилась гроза. Дождь большой пошелъ, вода съ горъ побѣжала, камни понесла. Мамутъ загналъ барашекъ за стѣнку, самъ спрятался подъ сводъ. Стоитъ поетъ. Веселый былъ человѣкъ. Горя не зналъ. А дождь—больше и больше.—Анасыны, говоритъ. Надоѣло ему. Нечего было дѣлать, въ рукахъ таякъ, которымъ за ноги барашекъ ловятъ, давай стучать по стѣнѣ. Вездѣ—такъ, въ одномъ мѣстѣ—не такъ. Еще постучалъ.

«Можетъ кладъ найду», думаетъ. Хочетъ выломать камень изъ стѣны. Вдругъ слышитъ:—Эй, Мамутъ, не тронь лучше! Плохо будетъ.—Посмотрѣлъ,—никого нѣтъ. Началъ камень выбивать.—Не тронь,—слышитъ опять;—будешь богатымъ, червонцемъ подавишься.

Сплюнулъ Мамутъ.—Анасыны, бабасыны; врешь, Шайтанъ, богатымъ всегда хорошо.—Навалился какъ слѣдуетъ и сдвинулъ камень съ мѣста. Видитъ печь, а въ ней кувшинъ съ червонцами. Ахнулъ Мамутъ. Столько золота! На всю деревню хватитъ. Задрожалъ отъ радости, спѣшитъ спрятать кладъ, чтобы другіе не увидѣли. Только камень назадъ не пошелъ. Высыпалъ всѣ червонцы въ чекмень, завернулъ въ узелъ, подъ кустъ до вечера положилъ.

Дождь прошелъ, выгналъ стадо пасти, а самъ на кустъ смотритъ. Кустъ горитъ—не горитъ,—дымится.—Вай, Алла! Солнце еще высоко, въ деревню не скоро; сталъ думать—какой богатый человѣкъ теперь будетъ. Принесетъ червонцы домой, отдастъ женѣ:—На! Самъ падишахъ больше не дастъ, а я, чабанъ, все тебѣ подарю. Положимъ—не подарю; только такъ скажу. Смѣется самъ.—Куплю себѣ домъ въ Ялы-Богазѣ; домъ на дорогѣ, открою кофейню; стадо свое заведу; чабаны свои будутъ. Ни одна овца не пропадетъ. Украдетъ чабанъ—сейчасъ поймаю. Первый богачъ въ Отузахъ буду.—Такъ думалъ Мамутъ, ждалъ, когда солнце за Папастепэ зайдетъ—гнать стадо домой. И гналъ такъ, что самъ удивлялся. Бѣжалъ самъ, бѣжали барашки, бѣжали собаки.

Прибѣжалъ къ себѣ, развернулъ на полу чекмень, позвалъ жену.—Смотри!

Съ ума сошла женщина отъ радости; побѣжала къ сосѣдкѣ; та—къ другой. Вся деревня собралась, поздравляютъ Мамута. Одинъ имамъ прошелъ мимо, покачалъ головой; зналъ разные случаи.

Послалъ Мамутъ за бараниной. Десять окъ на червонецъ дали, бабамъ каурму велѣлъ варить.—Кушайте всѣ, вотъ какой я человѣкъ, не какъ другіе.

Стали хвалить Мамута:—Добрый человѣкъ, хорошій человѣкъ, уважаемый будешь человѣкъ.—Смотрѣли червонцы. Чужіе, не похожи на турецкіе. Сотскій совѣтовалъ позвать караима Шапшала. Шапшалъ виноградъ покупалъ, образованный человѣкъ былъ. Позвали. Обѣщалъ помочь. Скоро поѣдетъ въ Стамбулъ, тамъ размѣняетъ на наши деньги. Только третью часть себѣ требуетъ. Поторговались, сошлись на четвертой. Отдалъ Мамутъ всѣ червонцы, себѣ немного на баранину оста-

вилъ. Не спалъ ночью, все думалъ, что много далъ за хлопоты. Обидно было. Мучился человѣкъ.

На другой день стада не погналъ. Когда богатый, развѣ будешь чабаномъ! Пошелъ домъ торговать въ Ялы-Богазѣ. Никто не жилъ въ домѣ—дешево продали. Безъ денегъ, въ долгъ купилъ. Мулла татарламу сдѣлалъ по шаріату. Мастеровъ нанялъ домъ поправить. Безъ денегъ пошли, знали, что Мамутъ самый богатый человѣкъ на деревнѣ.

Ждетъ Мамутъ караима Шапшала. Все не ѣдетъ. Пришла ураза, нельзя цѣлый день кушать. Недоволенъ Мамутъ, къ баранинѣ привыкъ. Сталъ бранить потихоньку старый законъ, а Шайтанъ смѣется:—Скоро Мамутъ моимъ будетъ!

По ночамъ слышитъ Мамутъ чужой голосъ:—Обманулъ тебя Шапшалъ. Пропали червонцы. Никогда не увидишь ихъ. Хмурымъ встаетъ поутру Мамутъ. Всѣ радуются: скоро Курбанъ-байрамъ; Мамутъ сердитъ на всѣхъ, не думаетъ о праздникѣ.

Одинъ разъ въ деревнѣ услышали колокольчикъ. Пріѣхалъ начальникъ. Бѣжитъ сотскій за Мамутомъ.

— Иди, тебя зоветъ.

— Зачѣмъ?

— Ты кладъ, говоритъ, нашелъ; куда его дѣвалъ?

Испугался Мамутъ.—Скажи, не нашелъ.

— Какъ скажу? Всѣ знаютъ.

— Ну, скажи, дома нѣтъ.

Почесалъ сотскій затылокъ и ушелъ къ начальнику.

А Мамутъ взялъ со стѣны ружье и ушелъ черезъ сады въ Ялы-Богазъ.

Надъ ущельемъ нависла черная туча, темно стало; буря началась; вспомнилъ Мамутъ тотъ день, когда кладъ нашелъ.

Вѣтеръ деревья ломаетъ, въ трубѣ воетъ; собаки на дворѣ воютъ, не хорошо воютъ, покойника чуютъ.

Положилъ Мамутъ чекмень на полъ, легъ спать. Заснулъ, не заснулъ—не знаетъ. Только видитъ въ углу на корточкахъ сидятъ гости: бѣлый, черный, грекъ-дангалакъ, армянинъ-хозяинъ, зарѣзанные чабаны. Сидятъ, тихонько разговариваютъ, боятся разбудить Мамута. Пошевелился Мамутъ. Погладилъ длинную бороду бѣлый.

— Мамутъ, къ тебѣ пришли. Сначала я скажу, потомъ онъ скажетъ. Посмотримъ, кого послушаешь...

Долго говорилъ бѣлый, душу спасти просилъ, на мечеть муллѣ дать, бѣдному сосѣду дать, сироту въ домъ принять. Напишетъ мулла въ Стамбулъ, поймаютъ Шапшала, вернутъ въ Отузы деньги. Не будетъ Мамутъ въ тюрьмѣ сидѣть: начальника хорошо попросятъ. Когда начальника хорошо просить, начальникъ добрый будетъ.

Смѣется черный.—Только Шапшала, гдѣ найдешь? Давно изъ Стамбула ушелъ Хочешь деньги, можно имѣть деньги. Скоро начальникъ поѣдетъ. Насыпь больше дроби въ ружье. Близко поѣдетъ. Будетъ много денегъ.

Поднялся Мамутъ на ноги; точно провалились всѣ его гости; только полъ за скрипѣлъ. Слышитъ звенитъ колокольчикъ. Зарядилъ ружье, за окошко спрятался. Шагомъ ѣдетъ начальникъ, дорога плохая. Вспомнилъ о Мамутовомъ кладѣ, оглянулся на домъ. Блеснуло въ окнѣ что-то, пошелъ по горамъ гулять выстрѣлъ. Позади ѣхали верховые; бросились къ дому, схватили Мамута, скрутили кушакомъ ему руки. Не боролся Мамутъ; зналъ, что пропалъ человѣкъ.

Сидитъ Мамутъ въ тюрьмѣ, ни пьетъ, ни ѣстъ, позеленѣлъ; всю ночь съ кѣмъ-то разговариваетъ. Страшно караульному: одинъ, а на два голоса разговариваетъ. Сумасшедшій, думаетъ. Вдругъ, видитъ, сталъ Мамутъ рвать на себѣ шаровары, схватилъ что-то въ руку, запрыгалъ отъ радости. Не сталъ караульный дальше смотрѣть, зашелъ за дверь; не видѣлъ, какъ вскочилъ къ Мамуту зеленый Шайтанъ, какъ руку на плечо положилъ.

— Прячь скорѣй свой послѣдній червонецъ; увидятъ—отберутъ. Прячь въ ротъ.

Сунулъ Мамутъ въ ротъ червонецъ. Зазвенѣлъ засовъ тюрьмы. Глотнулъ Мамутъ и удавился.

Узнали въ деревнѣ, что удавился червонцемъ Мамутъ, говорили:—Жадный былъ человѣкъ, глупый былъ человѣкъ, домъ въ Ялы-Богазѣ купить захотѣлъ. Кто въ Ялы-Богазѣ можетъ жить! Нечего жалѣть такого человѣка!

Съ того времени никто въ этомъ домѣ не живетъ и народъ называетъ—Шайтанъ-сарай.

Помолчалъ Асанъ, а потомъ прибавилъ:

— Можетъ быть и теперь Шайтанъ здѣсь живетъ. Кто знаетъ! Когда Шайтанъ, гдѣ станетъ жить, долго оттуда не уйдетъ!

СВЯТАЯ КРОВЬ.

(КОЗСКОЕ ПРЕДАНІЕ.)

Что это за рой кружится надъ церковкой, старой туклукской церковкой греческихъ временъ?

Не души ли погибшихъ въ святую ночь Рождества!

Еще не знали въ Крыму Темиръ-Аксака, но слухъ о хромомъ дьяволѣ добѣжалъ до Тавра, и поднялся въ долинѣ безотчетный страхъ передъ надвигавшейся грозой.

Плакали женщины, безпокойно жались къ матерямъ дѣти и задумывались старики, ибо знали, что когда набѣгаетъ волна,—не удержаться песчинкѣ.

Скорбѣлъ душой и отецъ Петръ, благочестивый старецъ, не носившій зла въ сердцѣ и не знавшій устали въ молитвѣ. Только лицо его не выдавало тревоги. Успокаивалъ до времени священнослужитель малодушныхъ и училъ мириться съ волей Божіей, какъ бы не было тяжко подчасъ испытаніе. Такъ шли дни, близилось Рождество—праздникъ, который съ особенной торжественностью проводили греки въ Туклукѣ.

По домамъ готовились библейки, выпекалась василопита, хлѣбъ св. Василія съ деньгой, которая должна достаться счастливѣйшему въ Новомъ году.

Лучше чѣмъ когда-либо, поднялся хлѣбъ Зефиры, двадцатилѣтней дочери Петра, и мечтала Зефира, чтобы вложенная ею въ хлѣбъ золотая монета досталась юношѣ, котораго ждала она изъ Сугдеи съ затаенной радостью. Только не пришелъ онъ, какъ обѣщалъ. Стало смеркаться, зазвучало церковное било вечернимъ призывомъ, а юноши все не было. Склонивъ въ печали голову, стояла въ церкви дѣвушка, слушая знакомые съ дѣтства молитвенные возгласы отца.

И казалось ей, что никогда еще не служилъ отецъ такъ, какъ въ эту ночь. Точно изъ нѣдръ души, изъ тѣхъ далекихъ предѣловъ, гдѣ человѣческое существо готово соприкоснуться съ божественнымъ откровеніемъ, исходило его благостное слово.

Вѣяло отъ него тепломъ мира и подъ пѣсенный напѣвъ, въ туманѣ сумерекъ, при мерцаніи иконостасныхъ лампадъ, чудился кто-то въ терновомъ вѣнцѣ, учившій не бояться страданій.

Каждый молился какъ умѣлъ, но тотъ кто молился, понималъ что это такъ. Смолкнулъ священникъ, прислушался. Съ улицы доносился странный шумъ. Смутились прихожане. Многіе бросились вонъ изъ церкви, но не могли разобрать, что дѣлалось на площади. Они только слышали дикіе крики, конскій топотъ, бряцаніе оружія, проклятіе раненыхъ.

Поблѣднѣлъ, какъ смерть, отецъ Петръ. Сбылось то, что повѣдалъ ему какъ-то пророческій сонъ.

— Стойте,—крикнулъ онъ обезумѣвшей отъ ужаса толпѣ.—И слушайте! Богъ послалъ тяжкое испытаніе. Пришли нечестивые. Только вспомнимъ первыхъ христіанъ и примемъ смерть, если она пришла, какъ подобаетъ христіанамъ. Въ алтарѣ, подъ крестомъ, есть подземелье. Я впущу туда дѣтей и женщинъ. Всѣмъ не умѣститься, пусть спасутся хоть они.

И отецъ Петръ, сдвинувъ престолъ, поднялъ плиту и сталъ впускать дѣтей и женщинъ по очереди.

— А ты?—сказалъ онъ дочери, когда осталась она одна изъ дѣвушекъ.—А ты?

— Я при тебѣ, отецъ.

Благословилъ ее взоромъ отецъ Петръ и, поднявъ высоко крестъ, пошелъ къ церковному выходу.

На площади происходила послѣдняя свалка городской стражи съ напавшими чагатаями Темура.

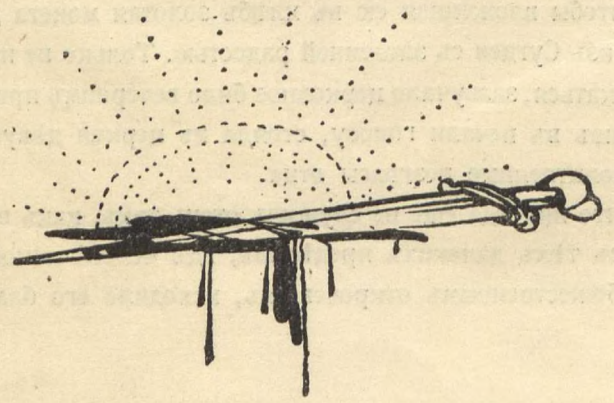
Съ зажженной свѣчей въ одной рукѣ и крестомъ въ другой, съ развѣвающейся бѣлой бородой, въ парчевой ризѣ, стоялъ отецъ Петръ на порогѣ своей церкви, ожидая принять первый ударъ.

И когда почувствовалъ его приближеніе,—благословилъ всѣхъ.

— Нѣтъ больше любви, да кто душу свою положитъ за други своя.

И упалъ святой человѣкъ, обливаясь кровью, прикрывъ собой поверженную на порогѣ дочь. Слилась ихъ кровь и осталась навѣки на ступеняхъ церковки.

И теперь, если вы посѣтите эту древнюю, маленькую церковку, вы, если Господь осѣнитъ васъ, увидите слѣды святой крови, пролитой праведнымъ человѣкомъ когда-то, много вѣковъ назадъ, въ ночь Рождества Христова.



ПИСЬМО МАГОМЕТУ.

(КОЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Татары говорятъ: міръ людей—точильное колесо, оно выгодно тому, кто умѣетъ имъ править.

Фатимэ, жена Аблегани, варила подъ развѣсистой орѣшиной, сладкій бетмесъ изъ виноградныхъ выжимокъ и думала горькую думу.

Три года не прошло, какъ праздновали ея той-дугунъ.

Первая красавица деревни, какъ персикъ, который начинаетъ поспѣвать, она выходила замужъ за перваго богача въ долинѣ. Свадебный мугудекъ, обвитый дорогими тканями и шитыми золотомъ юзбезами, окружало болѣе ста всадниковъ. Горскіе скакуны, въ шелковыхъ лентахъ и цвѣтныхъ платкахъ, обгоняли въ джигитовкѣ одинъ другого. Думбало било цѣлую недѣлю и чалгиджи не жалѣли своей груди.

Завидовали всѣ Фатимэ, завидовала въ особенности одна съ черными глазами и сглазила ее. Какъ только вышла Фатимэ замужъ, такъ и пришла болѣзнь.

Звали хорошаго экима лечить, звали муллу читать—не помогло. Возили на святую гору въ Карадагъ, давали порошки отъ камня съ могилы—хуже стало.

Высохла Фатимэ, стала похожа на сухую тарань.

Пересталъ любить ее Аблегани; сердится, что больная у него жена; говоритъ, какъ сдавитъ вино въ тарапанѣ, возьметъ въ домъ другую жену.

— Отчего такъ,—думала Фатимэ.—Отчего у грековъ, когда есть одна жена, нельзя взять другую; у татаръ—можно? Отчего у однихъ людей—одинъ законъ, у другихъ—другой?

Плакала Фатимэ. Скоро привезутъ изъ сада послѣдній виноградъ, скоро придетъ въ домъ другая съ черными глазами. Ее ласкать будетъ Аблегани; она будетъ хозяйкой въ домѣ; обидитъ, насмѣется надъ бѣдной, больной Фатимэ, въ чуланъ ее прогонитъ.

— Нѣтъ,—рѣшила Фатимэ,—не будетъ того, лучше жить не буду, лучше въ колодецъ брошусь.

Рѣшила и ночью убѣжала къ колодцу, чтобы утопиться.

Нагнулась надъ водой и видитъ Азраила; погрозилъ ей Азраилъ пальцемъ, взмахнулъ крылами, какъ нѣжный голосъ коснулся ея сердца, и унесся къ небу, на югъ.

Схватились старухи, что нѣтъ дома Фатимэ, бросились искать ее и нашли на землѣ у колодца; а въ рукахъ у нее было перо отъ крыла, бѣлѣе лебединаго.

Умирала Фатимэ, но успѣла сказать, что случилось съ нею.

Собрались козскія женщины, всю ночь говорили, спорили, ссорились, жалѣли Фатимэ, думали, что и съ ними можетъ то же случиться. И вотъ нашлась одна, дочь эфенди, которая знала письмо—ученой была.

— Скажи,—спрашивали ее,—гдѣ написано, чтобы когда жена больной, старой станетъ, мужъ бралъ новую въ домъ. Гдѣ написано?

— Захотѣли—написали,—отвѣчала дочь эфенди.—Мало ли чего можно написать.

— Вотъ ты знаешь письмо, напиши такъ, чтобы мужъ другую жену не бралъ, когда въ домѣ есть одна.

— Кому написать?—возражала Зейнепъ.—Падишаху? Посмѣется только. У самого тысяча женъ, даже больше.

Задумались женщины. Но нашлась, которая догадалась.

— Кто оставилъ Фатимэ перо? Ангелъ. Значитъ—пиши Пророку. Хорошо только пиши. Всѣ будутъ согласны. Кто захочетъ, чтобы мужъ взялъ молодую хары, когда сама старой станешь. Пиши. Всѣ руку дадимъ.

— А пошлемъ какъ?

— Съ птицей пошлемъ. Птица къ небу летитъ. Письмо отнесетъ.

— Отцу нужно сказать,—говорила Зейнепъ.

— Дура, Зейнепъ. Отцу скажешь—все дѣло испортишь. Другое письмо напишетъ, напротивъ напишетъ.

Уговаривали женщины Зейнепъ, обѣщали самую лучшую мараму подарить и уговорили.

Сѣла на корточки Зейнепъ, положила на колѣни бумагу и стала писать бѣлымъ перомъ ангела письмо Магомету.

Долго писала, хорошо писала, все написала. Замолчали женщины, пока перо скрипѣло, только вздыхали по временамъ.

А когда кончили—перо улетѣло къ небу догонять ангела.

Завязала Зейнепъ бумагу золотой ниткой, привязала къ хвосту бѣлой сороки, которую поймали днемъ мальчишки, и пустила на волю.

Улетѣла птица. Стали ждать татарки, что будетъ. Другъ другу обѣщали не говорить мужьямъ, что сдѣлали, чтобы не засмѣяли ихъ.

Но одна не выдержала и разсказала мужу.

Смѣялся мужъ; узнали другіе, потѣшались надъ бабьей глупостью, дразнили женщинъ сорочьимъ хвостомъ. А старый козскій мулла сталъ съ тѣхъ поръ плевать на женщинъ.

Стыдились женщины,—увидѣли, что глупость сдѣлали; старались не вспоминать о письмѣ.

Но мужья не забывали и, когда сердились на женъ, кричали:—Пиши письмо на хвостѣ сороки.

Выросла молодежь и тоже, за отцами, стыдила женщинъ. Смѣялись и внуки и, смѣясь, не замѣтили какъ не стало ни у кого двухъ женъ, ни въ Козахъ, ни въ Отузахъ, ни въ Таракташѣ.

Можетъ быть баранина дорогой стала; можетъ быть самимъ мужчинамъ стыдно стало, можетъ быть отвѣтъ пророка на письмо пришелъ.

Не знаю.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ—ДѢВИЧЬЯ БАШНЯ.

(СУДАКСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Говорятъ, въ тѣ времена, когда надъ Сугдеей господствовали греки, эта башня уже существовала, и въ ней жила дочь архонта, гордая и неприступная красавица, какой не было въ Таврідѣ.

Говорятъ, Діофантъ, лучшій военноначальникъ Митридата, тщетно добивался ея руки, а мѣстная знатная молодежь не смѣла поднять на нее глазъ.

Не знали, что дѣвушка любила. Любила простого деревенскаго пастуха, какъ казалось по его одеждѣ.

Однажды дочь архонта пошла на могилу своей рабыни подъ скалой, въ лѣсу. Несчастная дѣвушка, любимая прислужница ея, сорвалась со скалы и убилась. По обычаю ее тамъ и похоронили и по обычаю на могильной плитѣ сдѣлали углубленіе, чтобы собиралась роса, и птицы, утоливъ жажду, порхали надъ нею и пѣли усопшей пѣсню рая.

Дочь архонта пошла прикормить птицъ и увидѣла у могильной плиты пастуха. Юноша задумался; благородное лицо его дышало грустью, а кудри пышныхъ волосъ смѣялись встрѣчному вѣтру.

Дочь архонта спросила, кто онъ.

— Какъ видишь,—пастухъ, а откуда и самъ не знаю. Смутно помню какую-то иную, чудную страну, высокія колонны, храмъ. А былъ или не былъ тамъ,—не знаю.

И дѣвушка улыбнулась. Она тоже, какъ сонъ, вспомнила тотъ городъ съ колоннами, храмами и мавзолеями, откуда ее привезли въ раннемъ дѣтствѣ.

Разговаривая, не замѣтили, какъ ушла грусть и пришла радость, какъ не стало между пастухомъ и дочерью архонта разницы ихъ положеній и какъ согласно стали биться ихъ сердца.

Съ тѣхъ поръ только прекраснымъ пастухомъ жила дочь архонта, а пастухъ зналъ, что среди боговъ и людей не было его счастливѣе.

Плита стала алтаремъ, небесная роса сближала ихъ съ горной высью, а пѣснь птицъ казалась священнымъ гимномъ любви.

Но какъ-то увидѣли ихъ вмѣстѣ и донесли архонту. Внѣ себя архонтъ приказалъ схватить пастуха и бросить его въ каменный мѣшокъ подъ башней Кызъ-Кулле.

Прошло нѣсколько дней, пока вѣтеръ донесъ до слуха обезумѣвшей отъ горя дѣвушки стонъ заключеннаго. Поняла она все, и ночью спустилась по веревкѣ въ колодецъ и спасла любимаго.

Безъ сознанія лежалъ пастухъ на полу въ замкѣ царевны, когда отворилась дверь и вошелъ архонтъ. Онъ гнѣвно поднялъ руку, но тотчасъ опустилъ ее. На груди юноши онъ прочелъ знакъ, только ему одному извѣстный, и узналъ, кто былъ пастухъ.

Молніей пронеслась въ памяти битва двухъ городовъ, плѣнъ его семьи и его горе безъ границъ, когда изъ плѣна не вернулся его первенецъ.

Смертная блѣдность покрыла чело архонта. Ужасъ овладѣлъ имъ. Но, придя въ себя, онъ потребовалъ врача и приказалъ спасти умиравшаго.

— Я не хочу отравить печалью добрый порывъ моей дочери. Ты долженъ спасти его.

И юноша былъ спасенъ.

Вскорѣ отходилъ корабль въ Милету.

Архонтъ приказалъ выздоравливающему готовиться въ путь—отвезти государственную запись.

— Черезъ годъ,—сказалъ онъ тихо дочери,—корабль вернется назадъ. Если твой возлюбленный не измѣнитъ тебѣ, ты увидишь на мачтѣ бѣлый знакъ, и я не буду противиться вашему счастью. Но если ты не увидишь этого знака, ты не должна печалиться, что не отдала руки недостойному, и ты должна обѣщать, безъ слезъ и возраженій, отдать ее Діофанту.

Отошелъ корабль съ приказомъ вернуться черезъ полгода и съ тайнымъ наказомъ корабленачальнику оставить юношу въ Милетѣ до слѣдующаго прихода корабля.

Потянулись сѣрые дни, ползли, какъ медленная черепаха.

Полную свободу далъ дочери архонтъ, но свобода одиночества—самая полная изъ всѣхъ, въ то же время и самая тоскливая.

Заперлась дочь архонта въ Дѣвичьей башнѣ и только изрѣдка спускалась къ могилѣ, гдѣ впервые узнала пастуха.

Такъ прошло лѣто, на исходѣ былъ мѣсяцъ сбора винограда, наступалъ листопадъ.

Сталъ чаще посѣщать страну богъ тумановъ и по ночамъ являлся царевнѣ неяснымъ старикомъ, сѣдая борода котораго обвивала замокъ и тонула гдѣ-то въ морской дали, на серебристомъ отсвѣтѣ луны. Закрывалъ туманъ эту даль, и туманился взоръ дѣвушки безотчетною тоскою.

Однажды, когда проглянувшее солнце угнало туманъ въ горныя ущелья, сугдейцы увидѣли свой корабль, опускавшій паруса у самой пристани.

Увидѣла его и дочь архонта, но не увидѣла на немъ бѣлаго знака.

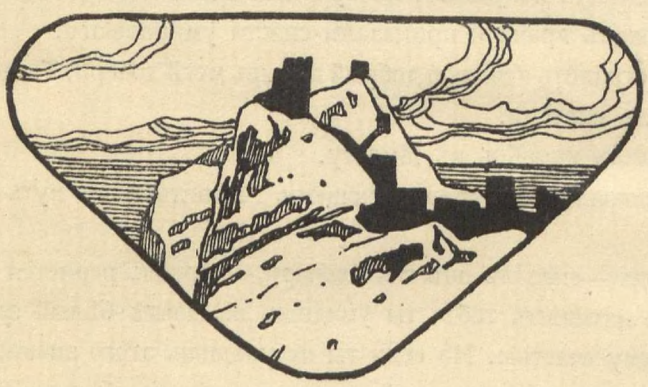
Блѣдной, гордой и красивой какъ никогда, вышла она къ рабынямъ и приказала подать лучшій хитонъ, лучшую тунику и діадему изъ опала и сапфира. Одѣвая царевну, прислужницы удивлялись ея ушедшей отъ земли красотѣ.

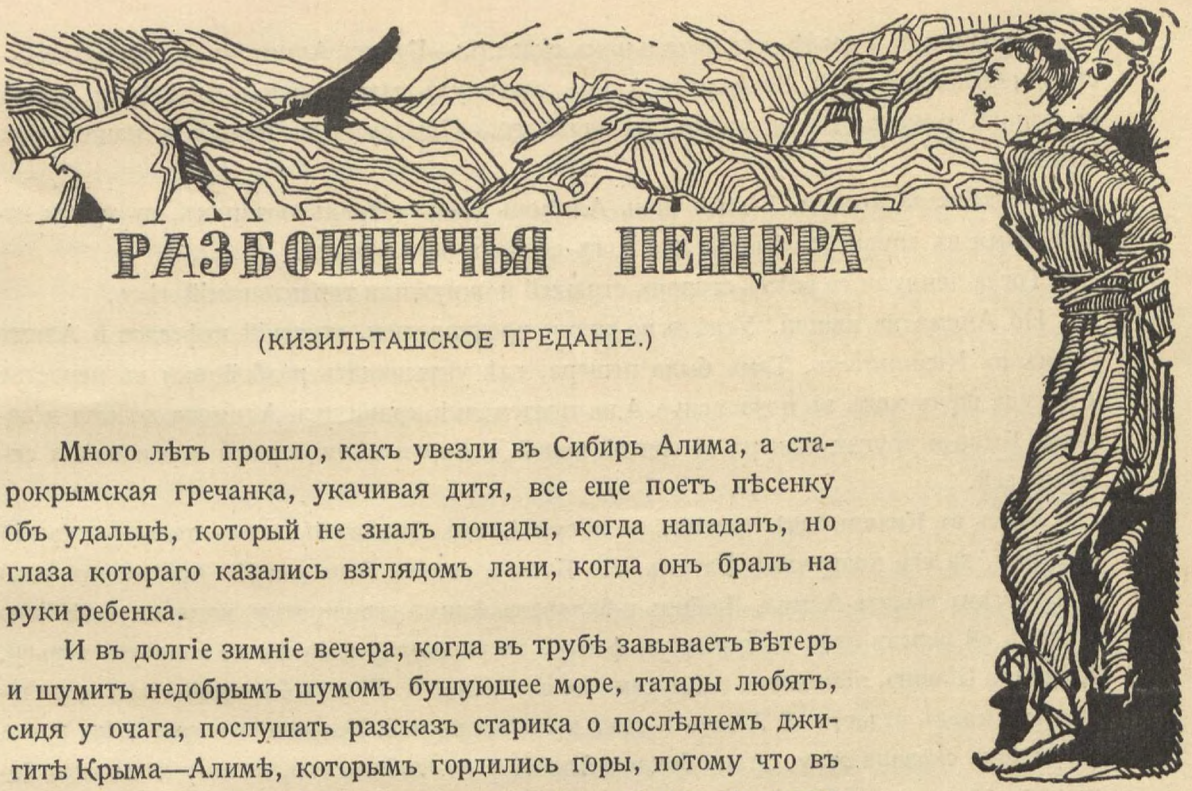
— Теперь позовите Діофанта.

Вбѣжалъ влюбленный военноначальникъ Митридата по ступенямъ башни Кызъ-Кулле, и, очарованный, бросился къ ногамъ красавицы.

— Слышалъ ли ты, Діофантъ, когда, какъ любитъ греческая дѣвушка. Скажи Евпатору, что ты самъ это узналъ.

И дочь архонта, сверкнувъ на чужеземца гордостью и красотой, быстро подошла къ аркѣ окна и бросилась въ бездну.





РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА

(КИЗИЛЬТАШСКОЕ ПРЕДАНІЕ.)

Много лѣтъ прошло, какъ увезли въ Сибирь Алима, а старокрымская гречанка, укачивая дитя, все еще поетъ пѣсенку объ удальцѣ, который не зналъ пощады, когда нападалъ, но глаза котораго казались взглядомъ лани, когда онъ бралъ на руки ребенка.

И въ долгіе зимніе вечера, когда въ трубѣ завываетъ вѣтеръ и шумитъ недобрымъ шумомъ бушующее море, татары любятъ, сидя у очага, послушать разсказъ старика о послѣднемъ джигитѣ Крыма—Алимѣ, которымъ гордились горы, потому что въ немъ жило безуміе храбраго и потому, что никогда не знали отъ него обиды слабый и бѣднякъ.

Шелъ прямо къ сердцу Алимовъ кинжалъ, взмахъ шашки его разсѣкалъ пополамъ человѣка и заколдованная пуля умѣла свернуть за скалу, чтобы настичь укрывшагося.

Какъ грозы боялись люди Алима и во всей округѣ только одинъ человѣкъ искалъ встрѣчи съ нимъ. То былъ старый карасубазарскій начальникъ, о которомъ разсказывали, что кулакъ его тяжелѣй кантарной гири, а отъ остраго взгляда его не укрыться даже подъ землей.

Семь лѣтъ подъ рядъ только о немъ да объ Алимѣ говорилъ Крымъ; семь разъ за эти годы попадалъ Алимъ въ руки стражей и семь разъ, разбивъ кандалы, успѣвалъ бѣжать въ таракташскіе лѣса, въ ногайскую степь. А въ горахъ и въ степи вся татарская молодежь стояла за него и старые хаджи, совершая намазъ, призывали лишній разъ имя Аллаха, чтобы онъ оградилъ Алима отъ неминучей бѣды.

Нависла надъ нимъ черная туча и знали объ этомъ мудрые старики.

Ибо нельзя было плясать на одной веревкѣ двумъ плясунамъ, какъ говорилъ отузскій мулла.

Въ тотъ годъ стояла въ крыму небывалая стужа; терпѣлъ бѣднякъ, но было не лучше богачу, такъ какъ по дорогамъ шелъ стонъ отъ Алимова разбоя.

Алима видѣли въ разныхъ мѣстахъ, появлялся онъ въ мѣстечкахъ и городахъ, и былъ даже слухъ, что заходилъ къ самому карасубазарскому начальнику—предлагалъ ему выдать Алима.

Говорили въ народѣ, что начальникъ сказалъ:—Будетъ Алимъ въ моихъ рукахъ—сто карбованцевъ тебѣ. Засмѣялся Алимъ, крикнулъ начальнику:—Вотъ былъ Алимъ въ твоихъ рукахъ, да не умѣлъ ты взять его.—Прыгнулъ въ окно и ускакалъ изъ города.

Не догнала погоня. Бѣлый конь Алимовъ былъ о трехъ ноздряхъ, съ тремя отдушинами въ груди, чтобы три дня могъ скакать безъ отдыха.

Тогда двинули со всѣхъ сторонъ стражей и окружили таракташскій лѣсъ.

Но Алима не нашли. Успѣлъ во-время предупредить отузскій кефеджи и Алимъ ушелъ въ Кизильташъ. Тамъ была пещера, гдѣ укрывались разбойники въ ненастье и откуда шелъ ходъ въ подземелье. А въ подземельѣ хранились Алимова добыча и запасы. Была и другая пещера со святой водой, которая цѣлила раны и удваивала силы людей.

Здѣсь въ Кизильташѣ притихъ на время Алимъ. Знали объ этомъ только отузскій кефеджи, да его подручный Баталъ. Но Баталъ готовъ былъ скорѣе проглотить свой языкъ, чѣмъ выдать Алима. Любилъ и баловалъ Алимъ его сиротку, маленькую Шашнэ и слалъ ей черезъ отца то турецкую феску, то расшитые папучи, то золотую серьгу. Хвастала Шашнэ, показывая подругамъ новые подарки. Будетъ большой—весь кизильташскій кладъ отдастъ ей Алимъ и самъ женится на ней. Услышала о томъ дочь грека дангалака, сказала отцу. Отецъ боялся Алима и не любилъ его, потому что когда боишься—всегда не любишь.

И къ тому же была между ними кровь: убилъ Алимъ въ разбоѣ родича дангалака. Чуть свѣтъ поскакалъ дангалакъ въ городъ, а къ вечеру въ Отузы прибылъ начальникъ и собралъ сходъ.

Коршуномъ поглядѣлъ онъ на татаръ.

— Чтобы курица изъ деревни не вышла, чтобъ голубь за околицей не парилъ, пока Алимъ не будетъ въ моихъ рукахъ.

И поняли татары, что пришелъ Алиму конецъ.

Никто не спалъ въ деревнѣ въ эту ночь. Визжалъ вихремъ Шайтанъ по дорогѣ, ломалъ деревья по садамъ, мертвымъ стукомъ стучалъ въ дверь труса и кидался на прохожаго бѣшенымъ ливнемъ.

Жутко было итти стражамъ по кизильташской тропѣ. Жутью дышалъ лѣсъ нагорья и гуломъ гудѣлъ облажной дождь, сбѣгая тысячью потоковъ въ ущелья кизильташской котловины.

Не ждали разбойники въ эту ночь никого и, укрывшись въ чекмени, спали въ разбойничьей пещерѣ вокругъ догоравшаго костра.

Спалъ и Алимъ зыбкимъ сномъ. Видѣлъ, будто забылъ испить къ ночи святой воды, какъ дѣлалъ всегда, и вбѣгаетъ въ святую пещеру, но въ источникѣ, вмѣсто воды, кипитъ кровь. А сверху, со скалъ свѣсились кольцами черныя змѣи, и одна изъ нихъ, скользкая и холодная, обвила его шею узломъ.

Вскрикнулъ Алимъ отъ боли, открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою громаднаго человѣка, который давилъ ему грудь и сжималъ горло.

Выскользнулъ Алимъ, но ударъ подъ сердце лишилъ его сознанія. А когда очнулся, то лежалъ уже связаннымъ вмѣстѣ со всей шайкой.

— Здравствуй Алимъ, былъ ты у меня въ гостяхъ, теперь, видишь, я къ тебѣ пришелъ,—говорилъ надъ нимъ кто-то.

Потемнѣло опять въ глазахъ Алима, а когда вновь пришелъ въ себя, былъ день и несли его на носилкахъ вдоль деревенской улицы. Точно вымерла вся деревня. Ни души не было видно, прятались всѣ отъ взора начальника. Посмотрѣлъ начальникъ на Алима, точно что-то спросилъ, и отвѣтилъ Алимъ взоромъ:—Знаю, не будетъ больше джигитовъ въ Крыму.

А къ полудню у сельскаго правленія собрались арбы, къ которымъ были прикованы разбойники. Въ кандалахъ лежалъ Алимъ и съ нимъ кефеджи съ Баталомъ. Все было готово, чтобы тронуться въ путь. Собралась вся деревня, вышелъ изъ правленія начальникъ; плакала, ласкаясь къ отцу, Баталова Шашнэ.

— Не плачь,—сказалъ начальникъ дѣвочкѣ,—скоро отецъ вернется, и, посмотрѣвъ на Алима, добавилъ:—чуть, было, не забылъ, за мною вѣдь долгъ. Помнишь, я обѣщалъ, когда Алимъ будетъ въ моихъ рукахъ, сто карбованцевъ тебѣ? Алимъ въ моихъ рукахъ,—деньги твои.

— Отдай ихъ ей,—показалъ Алимъ на дѣвочку.

Арбы медленно двинулись въ путь и уже навсегда увезли изъ горъ Алима.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

(КИЗИЛЬТАШСКОЕ СКАЗАНІЕ.)

Въ тѣ времена, когда Кизильташъ былъ еще киновіей, и все населеніе его состояло изъ десятка монаховъ, епархіальное начальство прислало туда на эпитемію нѣкоего отца Самсонія.

Въ киновіи скоро полюбили новаго іеромонаха, полюбили за его веселый, добрый нравъ, за сердечную простоту и общительность. Въ свой чередъ и отецъ Самсоній привязался къ обители, которою управлялъ тогда великой души человѣкъ—игуменъ Николай. Сроднился съ горами, окружавшими высокой стѣной монастырь; сжился съ лѣсною глушью и навсегда остался въ Кизильташѣ.

Въ монастырь рѣдко кто заглядывалъ изъ богомольцевъ; сосѣди татары относились къ нему враждебно и монахамъ приходилось жить лишь тѣмъ, что они могли добыть своимъ личнымъ трудомъ.

Только раза два-три въ годъ наѣзжала помолиться Богу, а кстати по ягоду и грибы, мѣстная отузская помѣщица съ семьей и тогда дни эти были настоящимъ праздникомъ для всѣхъ монаховъ и особенно для отца Самсонія.

Монахи слышали звонкіе женскіе голоса, общились со свѣжими наѣзжими людьми, которые вносили въ ихъ сѣрую, обыденную жизнь много радости и оживленія. А отецъ Самсоній зналъ, какъ никто, всѣ грибныя и ягодныя мѣста, умѣлъ занять привѣтнымъ словомъ дорогихъ гостей и потому пользовался въ семьѣ помѣщицы особымъ расположеніемъ.

Уѣзжая изъ обители, гости оставляли разные съѣдобные припасы, которые монахи экономно сберегали для торжественнаго случая.

Такъ шли годы, и какъ-то незамѣтно для себя и другихъ молодая, жизнерадостная помѣщица обратилась въ хворую старуху, а отецъ Самсоній сталъ напоминать высохшій на корню грибъ, не надобный ни себѣ, ни людямъ. Почти не сходилъ онъ съ своего крылечка, обвитаго виноградной лозой. И если воскресалъ въ немъ прежній любитель грибного спорта, то только тогда, когда пріѣзжали по грибы старые отузскіе друзья.

И вотъ однажды, когда настала грибная пора, игуменъ, угощая отца Самсонія, послѣ церковной службы обычной рюмкой водки, сказалъ:

— По грибы больше не поведешь.

— Почему?

— Еле ноги волочитъ. Не дойду, говоритъ, а былъ ей будто сонъ: въ тотъ годъ, когда по грибы не пойдетъ,—въ тотъ годъ и помретъ. Сокрушается.

Жаль стало отцу Самсонію, не изъ корысти, а отъ чистаго сердца; сообразилъ онъ что-то и сталъ просить:

— А вы ее, отецъ игуменъ, все-таки уговорите; грибы будутъ сейчасъ за церковью, въ дубнякѣ.

— Насадишь, что ли?—усмѣхнулся отецъ Николай и обѣщалъ хлопотать.

И дѣйствительно помѣщица, къ общему удивленію, собралась и пріѣхала со всей семьей въ монастырь.

Обрадовались всѣ ей, радовалась и она, услышавъ знакомый благовѣстъ монастырскаго колокола. Точно легче стало на душѣ и притихла на время болѣзнь.

— Ну вотъ и слава Богу,—ликовалъ, потирая руки, отецъ Самсоній.

— Отдохните, въ церкви помолитесь, а завтра по грибы.

А самъ съ ночи отправился въ грибную балку у лысой горы и къ утру, когда еще всѣ спали, успѣлъ посадить въ дубнякѣ, за церковью, цѣлую корзину запеканокъ.

Только что кончилъ свои хлопоты, какъ ударилъ колоколъ. Перекрестился отецъ Самсоній и сѣлъ подъ развѣсистымъ дубомъ отдохнуть. Отъ усталости старчески дрожали руки и ноги и колыхалось, сжимаясь, одряхлѣвшее сердце. Но свѣтло и радостно было на душѣ, потому что успѣлъ сдѣлать все, какъ задумалъ. Глядитъ, съ верхней скальной кельи спускается суровый схимникъ, старецъ Геласій. Побаивался отецъ Самсоній старца и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Всегда всѣхъ корилъ Геласій и никто не видалъ, чтобы онъ когда-нибудь улыбнулся.

— Мірской суетой занимаешься. Обманъ пакостный придумываешь. Посвященіе свое забылъ. Тьфу, прости Господи,—отплюнулся старецъ и побрелъ въ церковь.

Упало отъ этихъ словъ сердце у отца Самсонія, ушла куда-то свѣтлая радость и не вернулась, когда очарованная старуха, срывая искусно насаженную запеканку, воскликнула:

— Ну, значитъ, еще мнѣ суждено пожить. А я ужъ и не чаяла дотянуть.

— Да что съ тобой, отецъ Самсоній,—добавила она, поглядѣвъ на Самсонія.

— Не здоровится что-то. Состарился, сударыня.

И хотѣлъ подбодриться, какъ видитъ, возвращается Геласій изъ церкви, къ нимъ присматривается. Остановился, погрозилъ пальцемъ.

— Гдѣ копалъ, тамъ тебя скоро зароютъ.

Испугался Самсоній пророческому слову старца. Всегда сбывалось оно.

. . . . . скоро зароютъ.

— Да что съ тобой сталось, отецъ Самсоній,—допытывалась помѣщица, уѣзжая изъ монастыря.

А къ ночи отецъ Самсоній почувствовалъ себя такъ плохо, что вызвалъ игумена и повѣдалъ ему о своемъ тяжкомъ нездоровьи, о томъ, какъ корилъ и что предрекъ ему Геласій и какъ неспокойно стало у него на душѣ.

— Ну, грѣхъ не великъ,—успокаивалъ добрый игуменъ,—а за свѣтлую радость людямъ тебя самъ Богъ наградитъ.

Пошелъ игуменъ къ Геласію, просилъ успокоить болѣзнующаго, но не вышло ничего. Отмалчивался Геласій и только, когда уходилъ игуменъ, бросилъ недобрымъ словомъ:

— На отпѣваніе приду.

И случилось все такъ, какъ предсказалъ Геласій.

Недолго хворалъ отецъ Самсоній и почувствовалъ, что пришла смерть. Отсоборовали умирающаго, простилась съ нимъ братія, остался у постели одинъ іеромонахъ и сталъ читать отходную.

Вдругъ видитъ—поднялся на локтяхъ Самсоній, откинулся къ стѣнѣ, а на стѣнѣ висѣла вязка сухихъ грибовъ, и засвѣтились они, точно вѣнецъ вокругъ лика святого. Вздохнулъ глубоко Самсоній и испустилъ духъ.

Разсказали монахи другъ другу объ этомъ и стали коситься на Геласія, а Геласій трое сутокъ, не отходя отъ гроба, клалъ земные поклоны, молился и шепталъ:

— Ушелъ грѣхъ, осталась святость.

Какъ понять—не знали монахи, и была между ними тревога и жуть.

Еще больше пошло толковъ, когда, придя на девятый день къ могилѣ отца Самсонія,—а похоронили его, по указанію схимника, въ дубнякѣ, за церковью,—увидѣли, что у могильнаго креста выросли грибы.

Повырывалъ ихъ Агафангелъ іеродіаконъ, игуменъ окропилъ мѣсто святой водой, соборне отслужили сугубую панихиду.

А на сороковой день повторилось то же, и не знали, что думать—по грѣху ли, по святости совершается.

Пошли у монаховъ сны объ отцѣ Самсоніи; стали поговаривать, будто каждую ночь выростаютъ на могилѣ его грибы, а къ послѣдней звѣздѣ ангелъ Божій собираетъ ихъ, и свѣтится все кругомъ.

Стали замѣчать, что если больному отварить грибъ, сорванный вблизи могилы, то дѣлается лучше.

Такъ говорили всѣ въ одинъ голосъ, и только Геласій схимникъ хранилъ гробовое молчаніе и никогда не вспоминалъ объ отцѣ Самсоніи.

И вотъ, какъ разъ въ полугодіе кончины Самсонія, случилась съ Геласіемъ бѣда. Упалъ, сходя съ лѣстницы, сломалъ ногу и впалъ въ безпамятство. Собрались въ кельѣ старца монахи—не узналъ никого Геласій, а когда игуменъ хотѣлъ его пріобщить, оттолкнулъ чашу съ дарами.

Скорбѣлъ игуменъ и молилъ Бога вразумить старца. Коснулась молитва души Геласія, поднялись вѣки его, принялъ святые дары, свѣтло улыбнулся людямъ и чуть слышно прошепталъ:

— Помните грибы отца Самсонія. То были святые грибы.

ПОЯСНЕНІЕ КЪ ЛЕГЕНДАМЪ.

ОКАМЕНѢЛЫЙ КОРАБЛЬ.

Легенду эту я слышалъ отъ моей матери—Зефиры Павловны Марксъ, изъ рода Ставра-Цирули, одного изъ древнихъ насельниковъ Ѳеодосійской округи. Подводные камни, которые мѣстные жители называютъ *Окаменѣлымъ кораблемъ*, лежатъ въ Кохтебельскомъ заливѣ, между мысомъ Тапракъ-кая и мысомъ *Кіикъ-Атлама*. *Кохтебель*, нарождающійся курортъ для интеллигента средняго достатка, лѣтъ двадцать назадъ представляла изъ себя пустынный пляжъ, верстахъ въ двухъ отъ котораго лежала бѣдная болгаро-татарская деревушка того же имени. (Въ 19 в. отъ Ѳеодосіи по судакскому шоссе.) Болгары пришли сюда при императрицѣ Екатеринѣ II, татары съ начала XIII вѣка, но мѣстность эта была извѣстна еще Плинію († 79г.), по словамъ котораго здѣсь нѣкогда была пристань *тавровъ* древнѣйшихъ жителей Тавриды. Легенда объ Окаменѣломъ кораблѣ, въ устахъ мѣстныхъ грековъ, связана съ именемъ *св. Варвары*. Какъ извѣстно, св. Варвара (III вѣкъ), сирійка по происхожденію, дѣйствительно, бѣжала отъ отца, который преслѣдовалъ ее за принятіе ею христіанства, но въ Крыму она никогда не была; и если народное преданіе говоритъ именно о св. Варварѣ, то это показываетъ насколько имя мученицы было популярно въ горахъ Крыма. Быть можетъ легенду нужно пріурочить къ началу XII вѣка, когда были перенесены изъ Византіи въ Кіевъ мощи св. Варвары. *Отлукая*—небольшая гора по правую сторону шоссе изъ Кохтебели въ Отузы. У подножья ея продолговатое всхолмье, вершина котораго, до проведенія шоссе въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, была окаймлена поставленными на ребро плитами, а по скату были разбросаны камни, напоминавшіе издали стадо овецъ. Камни пошли на постройку шоссе, но мѣстные жители до сихъ поръ называютъ это мѣсто *Окаменѣлымъ стадомъ*. Слѣдуетъ отмѣтить, что на Керченскомъ полуостровѣ, недалеко отъ д. Кызильхую, существуетъ *Оврагъ окаменѣлыхъ овецъ*, но здѣсь въ основѣ татарской легенды лежитъ наказаніе дочери за ея черную неблагодарность отцу. Отара—стадо (*отъ*—трава, *ара*—искать).

ЧОРТОВА БАНЯ (Шайтаны-хама́нъ).

Легенду разсказывалъ мнѣ мѣстный помѣщикъ Меѳодій Николаевичъ Казаковъ, со словъ отузскихъ татаръ. *Кадыкъ-койская будка* расположена на 23-й верстѣ по шоссе изъ Ѳеодосіи на Судакъ. На бугрѣ противъ будки виденъ слѣдъ развалинъ *Шайтаны-хаманъ*. Раньше, до проведенія шоссе, видны были развалины стѣнъ и печи. Шагахъ въ тридцати отъ будки, находится, укрытый въ лѣснякѣ, красивый горный *гротъ* съ чудной, студеной водой. *Шайтанъ*—духъ зла, изгнанный Аллахомъ изъ сонма ангеловъ за то, что онъ не хотѣлъ поклониться Адаму. Съ тѣхъ поръ Шайтанъ мститъ человѣческому роду, толкая его на все противное заповѣдямъ Аллаха. *Курбанъ-байрамъ*—праздникъ жертвоприношенія. Онъ празднуется въ теченіе четырехъ дней въ 12-мъ лунномъ мѣсяцѣ года. Къ этому празднику каждый татаринъ запасается жертвенной овцой, которую въ день праздника закалываетъ послѣ молитвы муллы. Шкура и лучшая часть овцы идетъ муллѣ, кусокъ баранины—бѣднымъ, а остальное на домъ. Татаринъ вѣритъ, что душа невиннаго жертвеннаго животнаго поможетъ душѣ жертвователя войти въ обитель вѣчной отрады. Какъ извѣстно, Магометъ ввелъ этотъ видъ жертвоприношенія взамѣнъ существовавшаго у арабовъ жертвоприношенія дѣтей. *Ага*—чиновное, должностное лицо. *Имамъ*—мулла, священникъ.

ЭЧКИ-ДАГЪ (Козья гора).

Легенду сообщилъ отузскій татаринъ Аблякимъ-Амитъ-оглы. Гора *Эчки-дагъ*, поднимающаяся на высоту 2100 ф., отдѣляетъ отузскую долину отъ козской. По склону Эчки-дага идетъ, на протяженіи 5 верстъ, шоссе изъ Отузъ къ Судаку. Татары говорятъ, что у вершины горы дѣйствительно существуетъ провалъ безъ дна, который они называютъ *Ухомъ земли* (Хулахъ-Іернынъ). Въ лѣсу, которымъ покрыты склоны Эчки-дага, еще недавно охотники били дикихъ козъ (*караджа*). Въ моемъ дѣтствѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, дикая коза продавалась въ изобиліи на ѳеодосійскомъ рынкѣ, а въ тридцатыхъ годахъ, по словамъ стариковъ, эта дичь цѣнилась не дороже 75 к. за штуку. *Ткна*—красная краска, которой татарки, по обряду, покрываютъ волосы и пальцы рукъ и ногъ. Находятъ, что эта краска хорошо вліяетъ на ростъ волосъ. Подъ именемъ *франковъ* турки разумѣютъ вообще иностранцевъ. *Пашалыкъ*—генералитетъ. Монашескій Орденъ *дервишей* (нищихъ)—особенно чтимъ крымскими татарами. Они считаютъ дервишей—святыми, имѣющими власть изгонять недугъ изъ больныхъ. Во время молитвы, которая сопровождается вскрикиваніями—Богъ все движетъ! (Гувэ!), дервиши начинаютъ вертѣться, при чемъ, постепенно учащая темпъ движенія, доходятъ до экстаза. Въ Россіи—служеніе дервишей происходитъ въ одной только Бахчисарайской мечети.

Думбало—огромный барабанъ, въ который бьютъ съ обѣихъ сторонъ, легкимъ деревяннымъ молоткомъ сверху и тросточкой—снизу.

ШАЙТАНЪ И КИЗИЛЬ.

Отузская долина, одна изъ самыхъ красивыхъ въ Крыму, лежитъ на пути изъ Ѳеодосіи въ Судакъ, въ 27-ми в. отъ Ѳеодосіи и въ 25-ти отъ Судака. *Отузъ* по-татарски значитъ—тридцать. Такое названіе было дано деревнѣ, какъ полагаютъ по числу дворовъ, оставшихся въ 1779 г., по выселеніи грековъ изъ этихъ мѣстъ. До этого выселенія, и въ болѣе древнюю пору, основнымъ элементомъ населенія были греки, о чемъ свидѣтельствуютъ развалины церквей св. Георгія и Успенія Богоматери; названіе одной изъ горъ, окружающихъ долину,—*Папастепэ* (Попова гора, гр. παπα—попъ, тат. *тепе*—отдѣльно стоящая гора), а также остатки древне-греческаго укрѣпленія въ устьѣ долины, у берега моря. Окруженная съ трехъ сторонъ горами, находясь въ сторонѣ отъ торговаго движенія, долина эта сохраняла до послѣдняго времени свой особый колоритъ горной округи, съ ея повѣрьями, преданіями и легендами. Но съ проведеніемъ шоссе, съ развитіемъ курортной жизни, стала изсчезать замкнутость долины, а съ нею забываются преданія и легенды, а повѣрья уступаютъ мѣсто болѣе реальнымъ воззрѣніямъ. Это обстоятельство побудило насъ собрать дошедшіе до насъ отголоски народнаго сказа и издать ихъ, придерживаясь той формы, въ которую они вылились въ слышанной нами передачѣ.

Повѣрье о Шайтанѣ и кизилѣ сообщила отузская помѣщица Жанна Ивановна Арцеулова, урожденная Айвазовская.

СВЯТАЯ МОГИЛА.

Крымскіе татары чтутъ могилы праведныхъ людей—азизовъ. Признаніе азизомъ совершается обыкновенно послѣ того, какъ нѣсколько почтенныхъ лицъ засвидѣтельствуютъ, что видѣли на могилѣ зеленоватый свѣтъ и что надъ поклонявшимися могилѣ совершались чудеса. Если имя святого не сохранилось въ народѣ, то азизъ именуется по мѣстности, гдѣ онъ погребенъ; такъ *Святая могила* на Папастепэ принадлежитъ неизвѣстному азизу. Но въ дѣтствѣ я слышалъ имя хаджи *Курдъ-Тадэ*, которое пріурочивалось къ Святой могилѣ, почему я и привожу это имя въ легендѣ. Званіе *хаджи* присваивается лицамъ, посѣтившимъ Мекку. Посѣщеніе этого священнаго города установлено ст. 192-мъ, гл. 2-ой и ст. 91-мъ главы 3-ей Корана. При возвращеніи хаджи изъ Мекки, его встрѣчаетъ вся деревня, съ великимъ преклоненіемъ и провозглашеніемъ *хаджи*, освященнымъ св. Духомъ. *Минаретъ*—каменная или деревянная башенка, съ внутренней лѣстницей и балкономъ, откуда муэдзинъ совершаетъ свой призывъ. *Муэдзинъ*—дьяконъ. Въ часъ молитвы онъ, послѣ омовенія,

поднимается на минаретъ (могутъ и другія лица) и, обходя кругомъ балкончикъ, возглашаетъ на распѣвъ: «Великій Боже, исповѣдаю, что нѣтъ Бога—кромѣ Аллаха и Магометъ его пророкъ». Затѣмъ, оборачиваясь на востокъ онъ называетъ иновѣрцевъ—дурнымъ народомъ, а на югъ шлетъ призывъ: «О, достойный народъ, приходи къ поклоненію, приходи къ спасенію!» *Намазъ*—молитва. По ученію Магомета намазъ слѣдуетъ совершать пять разъ въ день, а именно: при заходѣ солнца, два часа спустя, передъ разсвѣтомъ, въ полдень и въ три часа пополудни.

ШАЙТАНЪ-САРАЙ (Чортовъ домикъ).

Этотъ домикъ, принадлежащій нынѣ одному армянину, попрежнему, остается нежилымъ. Случай съ кладомъ, найденнымъ чабаномъ в стѣнѣ развалины церкви Успенія Богоматери, разсказывалъ моему отцу, Александру Карловичу Марксу, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ѳеодосійскій исправникъ Изнаръ. Развалины церкви на *Келисэ-кая* (церковная гора) сохранились и до нашихъ дней. *Чабанъ*—пастухъ. *Таякъ* (копыто)—посохъ съ крюкомъ, которымъ чабанъ ловитъ овцу за ногу. *Око*—мѣра вѣса, 3 фунта. *Ураза* или рамазанъ-байрамъ—годовой праздникъ, который начинается съ 10-го новолунія и продолжается три дня. Празднику предшествуетъ мѣсячный постъ, въ теченіе котораго татары отъ восхода солнца и до заката не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ. Постъ установленъ въ память поста Магомета на горѣ Хора, куда онъ удалился на сороковомъ году жизни для поста и молитвы на цѣлый мѣсяцъ. Относительно *кладовъ* у татаръ существуетъ рядъ повѣрій. Такъ, напримѣръ, есть повѣрье, что если положившій кладъ умретъ, сотворивъ заклятье, то такой кладъ переходитъ во власть Шайтана и тогда нашедшій кладъ и воспользовавшійся имъ, не зная заклятья, непремѣнно погибнетъ.

СВЯТАЯ КРОВЬ.

На бугрѣ, при въѣздѣ въ деревню Козы, со стороны Судака стоитъ древняя церковка св. Ильи пророка, очень чтимая мѣстнымъ населеніемъ. На каменной плитѣ порога показываютъ слѣдъ крови, пролитой нѣкогда въ ночь Рождества. В. Х. Кондараки въ ч. 1-й Универсальнаго описанія Крыма (ст. 251), говоря объ этой церковкѣ, приводитъ легенду объ убіеніи въ ея алтарѣ мусульманами священника при занятіи Ѳеодосіи русскими войсками. Но моя прабабка, мѣстная уроженка, Панцехрія Ставраки-Цирули, разсказывала, что священникъ былъ убитъ во времена Темура Аксака. Нашествіе *Темура*, владѣтеля *чагатаевъ*, на Персію и Русь относится, какъ извѣстно, къ 1390 годамъ. *Василопита*—хлѣбъ въ честь св. Василія, начиненный пережаренною на маслѣ мукою съ медомъ. Въ василопиту кладутъ одну или двѣ серебряныхъ

монеты. На новый годъ хозяинъ дома разрѣзываетъ василопиту на куски по числу членовъ семьи и домочадцевъ. Вѣрятъ, что кому достанется монета, тотъ будетъ счастливъ въ новомъ году. Если же монета попадетъ подъ ножъ, то жизнь кого-либо изъ членовъ семьи будетъ въ томъ году пресѣчена.

ПИСЬМО МАГОМЕТУ.

Легенду эту сообщилъ козскій учитель Меметъ-эфенди. П. И. Сумароковъ полагалъ, что д. Козы есть древняя Козія, быть можетъ Гозія или Готія. П. Коппенъ хотѣлъ видѣть въ этомъ случаѣ половецкое имя, дошедшее до насъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Кезъ—означаетъ впадину, лощину между двумя горами. Это одна изъ горныхъ деревень, гдѣ сохранился во всей неприкосновенности древній укладъ жизни, между прочимъ и свадебный *той-дугунъ*. Богатая свадьба—цѣлое событіе для жителей долины. Свадебный пиръ продолжается недѣлю и больше. Невѣсту везутъ на крытой коврами и разукрашенной мажарѣ (повозкѣ)—*мугудекъ*, въ сопровожденіи конныхъ джигитовъ и всего населенія деревни, при чемъ джигиты получаютъ подарки, шитые золотомъ и шелками платки и полотенца—*юзбезы*. При свадебномъ кортежѣ идутъ музыканты—*чалгиджи*. *Тарапанъ*, составленный изъ каменныхъ плитъ ящикъ, въ которомъ татары давятъ ногами вино. *Тарань* (Cyprinus Vimba)—рыба изъ породы карповыхъ, популярное блюдо на югѣ. *Леченіе порошкомъ отъ мрамора*, взятаго съ христіанской могилы, примѣняется при лихорадкахъ, горячкѣ и др. истощающихъ болѣзняхъ. На Карадагѣ былъ, по преданію, похороненъ святой человѣкъ, Кемалъ-бабай. Татары разсказываютъ, что за нѣсколько дней до смерти азиза, онъ сказалъ, чтобы его похоронили тамъ, гдѣ упадетъ его палка. Брошенная имъ затѣмъ палка полетѣла на гору, упала у ручья, гдѣ и былъ похороненъ азизъ и куда теперь стекаются больные изъ разныхъ мѣстностей Крыма въ надеждѣ на исцѣленіе. *Многоженство* допускается религіей Магомета, у котораго была двадцать одна жена. Однако, въ ст. 3-мъ главы 4-ой Корана сказано: если боитесь быть несправедливыми, не женитесь болѣе, какъ на трехъ или четырехъ женщинахъ; если все-таки убоитесь этого, то берите одну жену или невольницу. Нынѣ у крымскихъ татаръ многоженство встрѣчается лишь какъ исключеніе. *Азраилъ*—ангелъ смерти, одинъ изъ двухъ, особенно чтимыхъ изъ безчисленнаго сонма ангеловъ. По довѣрію Аллаха онъ исторгаетъ душу изъ человѣческаго тѣла.

КЫЗЪ-КУЛЛЕ (Дѣвичья башня).

Легенду я слышалъ отъ бабушки Алены Ставровны Жизневской, изъ рода Ставра-Цирули. *Сугдея*—Судакъ, древняя греческая колонія Крыма. Эта колонія, въ числѣ другихъ была въ I вѣкѣ до Р. Х. подчинена власти Понтійскаго царя *Митридата Діофантомъ*, тѣмъ самымъ полководцемъ, который построилъ Евпа-

торію, назвавъ городъ такъ въ честь своего государя, носившаго прозвище *Евпатора* (т.-е. отъ добраго отца). Сугдейская крѣпость, судя по припискѣ къ греческому синаксарію (житію святыхъ), писанному въ XII вѣкѣ (изданъ въ 1863 г., арх. Антониномъ), была посторена въ 212 г., но верхній замокъ *Кызъ-кулле* (Дѣвичья башня) могъ существовать и раньше для обороны колоніи, которую устроили здѣсь выходцы изъ Милета. Башня эта сохранилась и доселѣ. По поводу *углубленій*, которыя встрѣчаются на древнихъ могильныхъ плитахъ, П. Кеппенъ замѣчаетъ: «сказываютъ, что углубленія, которыя встрѣчаются на надгробныхъ камняхъ, прикрывающихъ могилы дѣвицъ, выдалбливаются для того, чтобы въ нихъ собиралась роса, могущая служить къ утоленію жажды порхающихъ и поющихъ надъ могилами птицъ». (Крымскій сборникъ. О древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ. С.-Пб. 1837, 25.)

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕЩЕРА.

Кизильташъ лежитъ въ семи верстахъ отъ Отузъ въ сторону отъ Ѳеодосійскаго Судакскаго шоссе. Со времени Севастопольской войны здѣсь учрежденъ монастырь. Богомольцы послѣ службы обыкновенно посѣщаютъ монастырскія пещеры, изъ которыхъ одна называется Святой, а другая Разбойничьей.

П. Кеппенъ въ 1837 г., когда еще не было монастыря, писалъ, что «близъ Отузъ верстахъ въ шести отъ деревни нѣсколько вправо отъ дороги таракташской, есть въ скалѣ Кызылташской пещера глубиною на 17 шаговъ, которая иногда привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ. Въ концѣ оной на столѣ, замѣняющемъ алтарь, при образѣ лежитъ обломокъ бѣломраморной плиты величиною вершковъ въ пять, на коемъ изсѣченъ ликъ какого-то святого, судя по вѣнцу, окружающему главу». (П. Кеппенъ Крымскій сборникъ, 37.) На кустахъ у этой пещеры посѣтитель видитъ множество разноцвѣтныхъ лоскутковъ, которые богомольцы отрываютъ отъ платья больного и вѣшаютъ на кусты, помолившись объ исцѣленіи его у источника въ пещерѣ. *Разбойничья* пещера находится ниже Святой. Ее образуютъ двѣ сброшенныхъ огромныхъ скалы. Преданіе объ этой пещерѣ сообщилъ мнѣ мѣстный грекъ Петръ Егорьевичъ Джеварджи. Это преданіе связано съ именемъ разбойника Алима, хорошо извѣстнаго Крыму по народному разсказу и пѣснямъ. Поютъ о немъ и татарскіе чалгыджи на пирахъ, и мѣстныя гречанки, укачивая дѣтей, какъ говорила мнѣ помѣщица Елисавета Ставровна Должичева, изъ рода Цирули. Алимъ, изъ д. Зуя подъ Симферополемъ, разбойничалъ въ Крыму въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Это былъ послѣдній изъ ряда джигитовъ, съ которыми русской власти пришлось считаться по присоединеніи Крыма къ Россіи. Онъ пользовался огромной популярностью и несомнѣнной поддержкой среди татарскаго населенія края. До безумія смѣлый и дерзкій Алимъ, говорятъ, отваживался вступать въ открытую борьбу съ небольшими отрядами войскъ, былъ не разъ окруженъ и схваченъ, но каждый разъ бѣжалъ изъ тюрьмы, пока, наконецъ, въ 1850 г., по наказаніи шестью тысячами ударовъ розогъ,

былъ сосланъ въ каторгу. *Кефеджи*—содержатель кофейни. Карасубазарскимъ начальникомъ въ то время былъ Павелъ Михайловичъ Жизневскій, славившійся богатырской силой.

ГРИБЫ ОТЦА САМСОНІЯ.

Послѣ сожженнаго въ 1866 г. татарами игумена Парфенія и въ теченіе послѣдующей четверти вѣка настоятелемъ Кизильташской киновіи былъ игуменъ Николай, о которомъ все окрестное населеніе доселѣ вспоминаетъ съ благоговѣніемъ, какъ о свѣтломъ и гуманномъ человѣкѣ, отличавшемся необыкновенной добротой и отзывчивостью. Отецъ Самсоній жилъ въ киновіи въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Эпизодъ съ грибами, украшенный впослѣдствіи легендарными подробностями, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Окаменѣлый корабль. 3

Чортова баня. 6

Шайтанъ и кизиль. 9

Эчкидагъ—Козья гора. 11

Святая могила. 14

Шайтанъ-сарай. 17

Святая кровь. 21

Письмо Магомету. 23

Кызъ-кулле—Дѣвичья башня. 26

Разбойничья пещера. 29

Грибы отца Самсонія. 32

Поясненія къ легендамъ. 35

Легенды были напечатаны въ газетѣ «Утро Россіи» за 1912-й и 1913-й годы.

2007332647

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Товарищество

А. А. ЛЕВЕНСОНЪ,

Москва, Трехпрудный п., д. 9.